

**Михаил Моргулис,
Флорида, США**

*Посвящаю Рахили, Джонику, Диане,
Филиппу и Маркусу, детям Александра и Ирины Хенкель*

МЫ СЛЫШИМ ТВОЙ ПРЕКРАСНЫЙ ЛАЙ

*Пока мы чувствуем – мы живём!
(Собачья прическа)*

Всё радостное в этой страшной жизни приходит неожиданно и бестолково. Такой у меня была встреча с собакой, которую, за её собачью простоту и доброту, мы почему-то назвали именем славного мультяшного поросёнка – Фунтиком. Жил Фунтик у наших приятелей вместе со своей матерью, кличку которой – Маман – мы нарочито произносили с французским прононсом. Она была среднего размера, чёрная, злобная, на кривоватых лапах, всегда готовая к атакующим действиям. Отец её был лабрадор, мать из пит-бультерьеров, то есть принадлежала к той самой породе собак, разводить которых в Америке запрещено из-за их агрессивности и непредсказуемости. Надо сказать, что до выхода этого запрета родственники Маман успели загрызть в стране около десятка своих хозяев.* А славный Фунтик появился на свет как результат непродолжительного романа между Маман и псом из немецких овчарок. Поэтому сын был большой, гораздо больше матери. У Маман был угрюмый, рычащий нрав, а вот Фуня был ласковой, расхристанной, мохнатой собакой, с виляющим хвостом, большими, по-разному свисающими ушами и каким-то мальчишеским взглядом. Из его шерсти всегда торчали приставшие колючки и сосновые иголки. Он подбегал ко мне, вставал на задние лапы, передними упирался в меня, едва не доставая плеч, сминал чистую рубашку, склонял в сторону кудлатую голову и смотрел, словно добрый братишка. Когда я начинал чесать его собачью «репу», он замирал от удовольствия, потом с шумом валился на пол и затихал в ожидании продолжения. Мы с моим коллегой Марком щедро подкармливали Фуню и Маман остатками со стола. Была некая разница в условиях их собачьей жизни. Маман из-за ее нелюбви к людям и животным жила на привязи, а Фунтик был свободен как парусник в море, как птица в небе, как негр в Нью-Йорке. Маман немного ревновала нас к Фунтику, тогда в ее глазах пробегал красный огонек злости. Хотя, еду мы распределяли между ними честно, по справедливости.

Кажется, это стало со временем до Маман доходить.

Она иногда окидывала нас мгновенным взглядом и сразу же, якобы равнодушно, отводила глаза. Предполагаю, что, не обладая склонностью к философским размышлениям, Маман всё же догадывалась, почему она на привязи. Возможно, что когда Маман размышляла, за что ей такая доля, до неё доносился из прошлого чудный запах кроличьей крови, который всё объяснял. Надо знать, что в то изумительное для Маман время, когда она была ещё вольной собакой, в нашей округе за одну неделю были передушены все кролики. И неопровержимые обвинения хозяев невинных

животных пали на неё. Нашлись десятки свидетелей этого преступления. Лишь один свидетель молчал. Это был Фунтик.

Вспоминая былое, Маман ложилась на землю, от всех отворачивалась и глядела в сторону леса.

Фунтик нас полюбил по-настоящему. Когда мы на машине подъезжали к дому, он подбегал к двери водителя и, возбуждённо потряхивая огромными ушами, ожидал нашего выхода. Потом ударял головой по моему портфелю и неуклюже по-детски прыгал вокруг нас. В такие моменты Маман начинала ревниво потягивать. Мы заходили в дом, Фунтик укладывался у входной двери и ждал, когда мы о нём вспомним.

Если, бывало, возвращались домой ночью, Маман, демонстрируя свою сторожевую ценность, начинала завывать на всю округу, а пятидесятикилограммовый Фунтик молча бежал к машине и, как всегда, преданно тыкался в нас тяжёлой чёрной головой.

А теперь пора рассказать о замеченных нами особых свойствах Фунтика. Я бы даже сказал, о необыкновенных для обыкновенной собаки. В нём обнаружилась не только унаследованная от Маман способность к размышлению, но, можете здесь скептически улыбнуться, и к оценке окружающей действительности. Он, если хотите, вдруг осознанно стал обращать внимание на вещи, которые других собак обычно не интересуют. Однажды был случай, потрясший меня. Тогда я просто вздрогнул от осенившей меня мысли, что никак иначе, как Кто-то вложил в Фунтика любовь. Нет, не ту собачью любовь к хозяевам, которая выражается преданностью, а любовь (простите меня, грешного!) к ближнему своему.

В одно прекрасное утро я увидел, что Фунтик смотрит на гнездо ласточки, свитое над нашей дверью. В гнезде копошились три малюсеньких желточка и тянулись клювами к невидимым мошкам. Вначале Фунтик, подняв голову, смотрел на птенцов с явным непониманием их сущности, ну, к примеру, как папуас, впервые в жизни увидевший вертолёт. При каждом очередном чирикании его свисающие уши слегка подёргивались. Но потом он замирал, будто что-то соображая, может быть, улавливал беззащитность этих крошечных чирикальчиков. Спустя несколько дней хрестоматийно рыжий кот Варфоломей залез на перила, располагаясь поближе к гнезду. В одно мгновенье Фунтик всё понял и, бросившись вперёд, успел легко куснуть за хвост взвившегося Варфоломея. Тот с кошачьими проклятиями в адрес Фунтика умчался в лес. Во время его бегства я успел подумать, а не создать ли нам с Фунтиком Хельсинкскую комиссию по правам мелких животных и не выдвинуть ли кандидатуру Фунтика на должность её сопредседателя, совместно с каким-нибудь американским сенатором.

И ещё однажды Фунтик на фоне млеющего закатного солнца рассматривал большую бабочку с зелёно-фиолетовыми разводами на крыльях. Бабочка неподвижно сидела на цветке, а Фунтик тихо улёгся рядом. Я навёл на него бинокль. Хотите – верьте, хотите – нет, но на его морде было написано восхищение, а от этого пасть была приоткрыта, как у сельского паренька, увидевшего Эйфелеву башню. То есть, это было почти человеческое восхищение. Не знаю, какие цвета ему виделись, но пёс явно переживал встречу с прекрасным.

Наш дом, как вы уже поняли, выходил в лес. По ночам в лесу раздавались шорохи, слышался треск веток, рычанье, покряхтывание, иногда отчаянные птичьи крики, наверное, когда на гнездо нападал какой-нибудь хищник. Я из-за этого нервничал, мучился, грустил, тосковал, чуть

ли не взвыл однажды. Когда совсем не спалось, я выходил во двор, подходил к лежащему на земле Фунтику, устроившему морду на передних лапах. Он не вскакивал, видя меня боковым зрением, но продолжал думать о чём-то своём собачьем, ночном. Он тоже слышал эти страшные звуки лесной жизни. Однако на его почти спокойной морде я читал слова, обращенные ко мне: «Ну что ж, человек, ну что ж, это обычная жизнь, короткая, иногда мгновенная, невероятно опасная. Жизнь, как и у вас. И борьба, как и у вас, за выживание... Так что я молчу, и ты молчишь, потому что мы этому не поможем, даже если я буду лаять, а ты – кричать...»

Как-то один священнослужитель сказал мне – он допускает, что у животных есть душа. Но только у людей душа может быть вечной. А у животных она исчезает, когда они умирают.

Скажем откровенно, Фунтик был милейшим псом, но бестолковым. Однако внезапно он превращался в очень развитое, существо, умеющее не только созерцать жизнь, но и проникать в глубины этого океана и слышащее его. Фунтик становился псом, способным улавливать осторожное и нежное движение любви и отличать любовь от неискренности, лицемерия, от любого поддельного отношения.

Читатель! Чтобы не прозвучало теологическое осуждение в наш адрес, я предлагаю назвать то, что жило в Фунтике не «душа», а «ашуд». Итак, у Фунтика была ашуд.

В нашей местности водились олени и лисы. Несколько раз мы видели на дорогах сбитых машинами оленей. Встречал я и лис. Они казались мне гораздо меньше, чем те, о которых я читал в сказках. Лисы издали смотрели на меня и исчезали.

Однажды, опять на закате, я услышал необычно хриплый лай Фунтика. А Маман, та просто ухала на привязи и тут же бурно заливалась визжащим лаем. Я нашел Фунтика на заднем дворе, выходящем к лесу. В траве напротив него стоял крупный лисёнок и, замерев от страха, смотрел Фунтику прямо в глаза. Фунтик лаял охотничьим хриплым лаем, но без кровожадной ярости. Я сказал уже, что это было время заката. Всё было освещено червонно-золотым сиянием. Отблески заката ложились на зелёную траву, на чёрную морду Фунтика и буро-бежевую мордочку лисёнка. Картина казалась прекрасной и почти нереальной. Вдруг Фунтик перестал лаять. Щёлкнула в небесах тишина. Лисёнок стал пятиться. Фунтик сделал шаг вперёд и напрягся перед прыжком, но в последний момент взглянул на меня. И я прошептал: «Нет, нельзя...» Фунтика трясло. Инстинкт охотника сражался с запретом на смерть. Но пес устоял... Мышцы перекачивались по его телу, но он устоял. Лисёнок умчался в глубину леса. А я обнял Фунтика за могучую шею и прошептал: «Ты прекрасный, ты совершенно прекрасный пёс!..»

Тогда, наверное, он понял ещё кое-что важное в этой жизни.

Как настроен один зверь по отношению к другому зверю, дружелюбно или агрессивно, каким-то образом распознается в животном мире, не знаю, как, но это происходит. Однажды в начале лета, я увидел распластанного близ крыльца Фунтика. Как всегда, свою голову он уложил на лапы. Фунтик смотрел на бесстрашно игравшего перед ним бельчонок. Бельчонок казался крохотным, был серым, как все белки в Америке, и напоминал своего комичного двойника из мультфильма. Бельчонок ходил перед Фунтиком взад и вперёд, прыгал за какой-то горошиной-забобулиной, косил бусинковыми глазами, замирал на задних лапках. Я не дошёл до них и тоже замер. Фунтик был невероятно спокоен. Может, это кощунство, но

щенок всего восьми месяцев от роду напоминал мне античного мыслителя. Над ним вились звенящие стрекозы и вибрировали жучки.

Бельчонок мне не поверил. После одного из своих па, он стремглав помчался к дереву и мгновенно взобрался на него. Фунтик посмотрел на меня с сожалением. Я протянул его любимый собачий сухарик, он глянул, отвернулся, снова посмотрел на меня, как на нежданного нарушителя покоя. А я спросил: «Так что же в твоей ашуд?» Фунтик опустил глаза и зевнул, показав острые клыки. Снова открыл глаза и посмотрел на меня, как оказалось, последний раз в жизни.

Вскоре мы с Марком уехали на неделю в другой штат. А когда возвращались и подъезжали к нашему тихому Ашфорду, позвонил на мой мобильник хозяин Фунтика, Александр, отец детей, которым посвящён этот рассказ. Он сообщил, что Фунтик, тоскуя, выскочил на дорогу, его сбила машина. И сейчас его везут к врачу. Мы въехали во двор. А спустя минуту привезли мёртвого Фунтика. До ветеринара не довезли.

Вот как всё случилось. Фунтик после нашего отъезда кружил по двору, перестал играть с Маман. Когда во двор заезжала машина, он с некоторой надеждой бежал к ней. После разочарованно отходил, тихо повизгивая. Дорога проходила буквально у въезда во двор. Раньше Фунтик никогда на дорогу не выходил. Его к этому приучили, да и он сам чувствовал там опасность. На обочине дороги Фунтик обычно останавливался. Теперь он часто замирал у этой невидимой черты. Ждал. И однажды не выдержал и переступил. Удар машины пришёлся в его лобастую голову. Женщина-водитель заламывала руки. Фунтик сумел подняться и побрел к дому, приседая, падая и снова вставая. Его увидели дети и помогли дотащить до подстилки. Он смотрел мутным взглядом и даже не скулил. Маман, которую отпустили с привязи, бегала вокруг Фунтика, облизывала его, повизгивала. Фунтик уронил голову на лапы. Дети, окружившие его, кричали и плакали. Маленький Филипп напоминал страдальца из Библии. Его несчастные каштановые глаза были подняты к небу. Что проносилось перед Фунтиком – может быть, тот лисёнок, может, бельчонок, может, он сам, ещё маленький и пищущий, ползающий у брюха Маман. Может быть, он увидел роскошные крылья бабочки, а, может, к нему приплыл запах наших ласкавших его рук. Всё же я уверен, последнее, что он ощутил, почувствовал, не зная, как назвать – это то, что проплывающее перед ним было любовью.

К нему на похороны я не пошёл. Александр и дети вырыли яму, завернули Фунтика в лучшее одеяло. Перед ямой ходила Маман, беспрерывно обнюхивала сына и, как всегда, еле слышно повизгивала. Сегодня её визг был похож на визг Фунтика, когда он был маленьким. Потом она отошла от него, села и смотрела, не подходя близко. Наверное, мёртвый Фунтик казался ей похожим на её Фунтика, но он уже был другой, от него исходил запах смерти. Дети рассказывали друг другу, как они любили Фунтика. Потом немного поспорили о том, кто чаще всех его гладил. Я знаю, кто чаще... Их мать, умеющая смеяться и плакать одновременно. В этот раз она плакала. Потом все закапывали Фунтика, пока яма не стала холмиком. Маман сидела на далёком пригорке. Когда все сели за стол поминать Фунтика, вдруг наступила тишина. Тишина – это такая редкость... И в этой тишине Маман, стоявшая на пригорке, оскалила пасть и послала небу печальный вой. В нем было отчаяние, непонимание, забвение, тоска.

Ушёл от нас повзрослевший щенок Фунтик. Это был начинающий пёс-философ, преданный тем, кто научил его любви. Что может сказать нам собака? Наверное, многое. Конечно, если мы вспомним, что у неё есть ашуд. А у Фунтика была необыкновенная ашуд.

Маман после этого изменилась, стала задумчивой, печальной. Может, уходя, Фунтик оставил ей часть своей ашуд? Когда никого нет, Маман долго смотрит на меня, а я – на неё. Я вздыхаю, а она молчит. Но иногда, на мгновение, мы одновременно поднимаем голову к небу. Это когда нам кажется, что сверху доносится еле слышный, счастливый и прекрасный, такой знакомый лай.

**Кстати, с этим не согласен писатель О'Нил, выпустивший хорошую книгу «Американский пит-бультерьер», где все эти страсти о нападениях на людей считает выдумкой журналистов.*